

ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА НА VII ВРОЦЛАВСКОМ СЪЕЗДЕ 1948 г.

В. Королюк, И. Миллер, М. Миско

19 — 22 сентября 1948 г. во Вроцлаве состоялся VII съезд польских историков. Съезд явился выдающимся событием научной жизни страны. Особенно велико значение VII съезда польских историков потому, что на этом первом послевоенном съезде имел место в полном смысле слова смотр польской исторической науки, её состояния, тех сдвигов, которые произошли в ней в годы второй мировой войны и происходят сейчас, в период строительства народно-демократической Польской республики.

Советские историки проявили глубокий интерес к этому важному событию в жизни польской исторической науки. В работе VII съезда принимала участие делегация советских историков. Краткая информация о съезде уже появилась на страницах журнала «Вопросы истории»¹. Однако составить более полное представление о деятельности съезда возможно лишь на основании внимательного знакомства с его трудами. Настоящий обзор является первой попыткой характеристики Вроцлавского съезда на основании недавно полученного в Москве издания его трудов².

Большое место в проблематике съезда заняли политические и научно-актуальные вопросы истории возвращённых Польше благодаря братской поддержке Советского Союза её западных земель, вопросы истории польско-немецких отношений. Значительно возрос интерес польских историков к вопросам межславянских отношений. В то же время VII съезд порвал с типичным для довоенной польской буржуазной историографии выявлением вопросов истории польско-литовских отношений, истории польского элемента в Белоруссии и на Украине и т. д.

¹ «Вопросы истории» № 11 за 1948 год.
² Pamiętnik VII powszechnego zjazdu historyków polskich, t. I, II (zeszyt I). Warszawa, 1948. Ссылки на это издание мы даём непосредственно в тексте обзора.

О качественных изменениях и сдвигах в польской исторической науке говорит и тот интерес, с которым VII съезд отнёсся к проблемам методологии истории. Впервые с трибуны съезда польских историков был произнесён доклад об историческом материализме, впервые при обсуждении вопросов истории революции 1848 г. в центре внимания стали высказывания по польскому вопросу основоположников марксизма. Дело заключается не только в том, что в народно-демократической Польше историки-марксисты, естественно, получили право выступить на съезде историков, право, которого они были лишены в старой, буржуазной Польше, но прежде всего в том, что вопросы марксистско-ленинской теории, марксистско-ленинской методологии стали уже основными вопросами, определяющими дальнейшее развитие польской исторической науки, и это сознаётся большинством прогрессивных историков современной Польши.

Издание «Трудов» VII съезда польских историков охватывает, к сожалению, не все доклады, включённые в повестку дня съезда. Не опубликованы три доклада на пленарных заседаниях съезда, нет ряда докладов, заслушанных в секциях. В обзоре мы считаем, однако, необходимым упомянуть важнейшие из этих докладов, чтобы читатель мог составить представление о всей программе съезда. Вместе с тем настоящий обзор не ставит своей задачей охватить все доклады съезда: мы сосредоточиваем внимание на основных проблемах, лишь кратко упоминая либо вовсе опуская менее существенные из докладов.

Обзор не воспроизводит построения программы съезда, ибо доклады на съезде нередко были объединены в секциях несколько искусственно. Так, в секция истории славянства есть группа докладов, посвящённых этногенезу польских славян и происхождения польского государства, и одновременно доклады о межславянских отношениях в новое время; в секции происхож-

современного польского государства и общества—доклады об экономике феодального общества и о происхождении «Мюнхенского» и т. д.

Особый интерес представляет проблематика пятой секции, которая в порядке дня съезда получила наименование «Польская историческая наука после второй мировой войны». За исключением двух докладов: Адама Стебельского и Витольда Суходольского (второй доклад не опубликован в трудах съезда), посвящённых вопросу об архивной базе польской исторической науки после второй мировой войны, — предметом занятий секции были проблемы методологии истории.

Знакомство с докладами этой секции даёт представление о том процессе идейно-теоретической перестройки и размежевания, которым охвачена сейчас польская историческая наука. К сожалению, здесь ощущаемее, чем во всех других случаях, чувствуется недостаток в издании «Трудов» съезда: отсутствие доклада проф. Юзефа Серадзского «Исторический материализм и некоторые задачи польской историографии» и прочитанного на пленарном заседании съезда доклада проф. Станислава Арнольда «Задачи польской исторической науки после второй мировой войны».

С сожалением приходится отметить, что в «Труды» съезда не вошли также доклады, сделанные на происходившей одновременно и в связи со съездом конференции учителей истории; некоторые из этих докладов представляют значительный интерес (проф. Юз. Серадзский «Исторический материализм и преподавание истории», проф. Н. Гонсёровская «Идеологические основы и структура новых школьных программ по истории»). Отсутствие этих докладов лишает нас возможности воссоздать полную картину освещения на съезде вопросов методологии истории. Мы ограничимся поэтому лишь некоторыми замечаниями.

Характерной чертой почти всех докладов этой секции съезда, помещённых в рецензируемом издании, является живой, глубокий интерес к марксистско-ленинскому учению, к диалектическому и историческому материализму.

Некоторые из докладчиков останавливаются на проблемах марксистско-ленинской теории, выражают своё согласие с ней в ряде вопросов. Их доклады свидетельствуют о том, что они серьёзно вникают в существо исторического материализма, но ещё далеко не преодолели традиций буржуазной науки, ещё пытаются эклектически сочетать эти несовместимые идейно-теоретические направления (доц. Богуслав Лесьнодорский «Социальная обусловленность исторических фактов», проф. Мариан Серейский «Проблематика истории исторической науки»).

Проф. Станислав Сренёвский в своём докладе подверг анализу проблему истории общественно-государственного строя (ustroju) Польши. Самое понятие «ustroju» в

польской буржуазной историографии было наиболее чётко сформулировано Освальдом Бальцером, который рассматривал его как взаимоотношение государственного и социального элементов. Это понимание в основном было воспринято Станиславом Кутшебой и Юзефом Семенским. Докладчик отмечает идеалистический характер этой конструкции и показывает, что в схеме Бальцера государство приобретало характер надклассового и внеклассового организма, а общество понималось как единое, солидарное целое. В докладе правильно вскрываются исторические корни этой буржуазной схемы и указывается, что она приводила к идеализации средневековья как времени, когда оба фактора — государство и общество — находились якобы в идеальном равновесии.

Проф. Сренёвский указывает, что современная польская наука должна вскрыть социальную структуру общества, скрывающуюся за юридически-конституционными формулами, бывшими ранее основным предметом изучения истории *ustroju*, обнажить социальное значение самих этих формул. «То, что до сих пор понималось как *ustroju* есть лишь один из его элементов: это аппарат политической власти, это формально-юридическая организация государства» (т. II, стр. 7).

Докладчик выдвигает новое понимание истории *ustroju* как истории развития социальной структуры общества, государства и права. Он указывает, что если раньше польские историки обычно искали в истории Польши специфические, оригинальные явления, институты и т. д.; если они стремились избежать сопоставлений с историей других стран и обращались к ней лишь для того, чтобы подчеркнуть черты отличия, контраста с историей Польши; если, наконец, самое представление о типичности тех или иных явлений складывалось исключительно как результат обобщений в рамках польской истории, которая создавала сама для себя фон и материал для сравнения, то задачей современных польских историков является изучение истории Польши на основе общих законов развития общества, благодаря чему проблема типичности и своеобразия получает единственно научное разрешение.

Доклад проф. Сренёвского не только отражает интерес к марксизму-ленинизму, но проникнут духом исторического материализма.

Особого упоминания заслуживает доклад доц. Ванды Мощенской, посвящённый связи между исследованием и распространением исторического знания, исторической культуры. Докладчик остро ставит вопрос об актуальности исследовательской работы, о тесном контакте исследователя с широкими массами народа. В этом докладе звучит взволнованность прогрессивного историка, стремящегося всеми своими силами, всей своей деятельностью способствовать строительству социалистической Польши.

Резким диссонансом среди других выступлений прозвучал доклад Романа Лют-

мана «Методологические основы историографии»³.

«В историографии, — утверждает Лютман, — позиции исследователя принципиально фидеистичны. Он признаёт определённые результаты достаточными, потому что убеждён в этом. Это убеждение основывается обычно на определённом отборе фактов и интерпретации сконструированных между ними связей. Здесь можно видеть порочный круг: интерпретацию источников и отбор установленных фактов историк производит на основе убеждённости в правильности принятых критериев отбора и интерпретации. Убеждение же своё в правильности выяснения фактов и связей между ними он основывает на осуществлённых ранее отборе и интерпретации. Этот порочный круг есть типичная черта фидеистических воззрений... При помощи исторических конструкций мы стараемся приблизиться к пониманию исторического процесса, который был и оставил следы лишь в виде исторических источников. Каков был этот процесс в действительности, недоступно нашему познанию. Поэтому беспредметной представляется вся дискуссия на тему о характере исторического процесса и руководящих им или проявляющихся в нём законов. Поскольку сама историческая действительность недоступна нашему познанию, постольку мы не можем сказать ничего разумного и о законах, руководящих этой действительностью». Отсюда вытекает следствие: «В историографии речь идёт не о том, представлял ли она и в какой мере существовавшую когда-то действительность, но о том, чтобы на основе источников и установленных фактов создать законченную, убедительную, свободную от внутренних противоречий конструкцию».

Свой доклад Лютман завершает следующим выводом: «В историографии мы можем выделить две области исследования. Одна, научная, касается познания самого объекта познания, т. е. исторических источников, другая, вненаучная, касается создания определённых обобщений, опирающихся на отбор и соответствующее усечение фактов, установленных на основе этих источников. Исторические факты играют роль символов и коррелятов предполагаемых действительных исторических событий. Лишь этими коррелятами и связана историография, а точнее — познающий субъект (историк) с исторической действительностью» (т. II, стр. 26—28. Разрядка автора).

Это откровенное идеалистическое выступление было единственным в своём роде на VII съезде польских историков. Мы не думаем, однако, что Лютман одинок. Процесс преодоления идеалистического наследия буржуазной историографии, реакционной буржуазной философии — процесс сложный и нелёгкий, в польской же исторической науке он пока ещё только начинается. Не только у Лютмана, но и в докладах некоторых других историков, о которых опреде-

лённо можно сказать, что они ищут новые пути, стремятся найти своё место в движении польского народа к социализму, мы встречаем отзвуки идеалистических взглядов, наталкиваемся на цитаты из «авторитетных» работ англо-американских реакционных философов и историков.

Несколько докладов на съезде было посвящено проблеме этногенеза польских племён и проблеме племенных передвижений на территории Польши в период с I века до н. э. по IV век н. э.

Основной доклад — «Польские земли и древности» — прочёл крупнейший польский археолог проф. Юзеф Костшевский. Доклад этот особенно интересен тем, что он, по существу, подводит итоги не только самостоятельному исследованию автора в области этногенеза славянских народов, но в значительной степени является и последним словом всей польской археологической школы, развивавшейся под сильным непосредственным влиянием Ю. Костшевского. Если ещё учесть, что в последнее время становится всё более и более ясным, что решающее слово при воссоздании конкретного процесса этногенеза народов Восточной Европы будет принадлежать археологам, то значимость выступления Ю. Костшевского станет совершенно очевидной.

Приступая к изложению взглядов Ю. Костшевского, высказанных им в докладе, мы считаем необходимым с самого начала подчеркнуть наиболее сильную сторону его выступления: доклад выдержан в строго критическом духе по отношению к «теориям» фашиствующих немецких этногенетиков. В этом вопросе мы решительно расходимся с критическими замечаниями оппонента Ю. Костшевского Казимира Маевского, высказавшегося в том смысле, что критика псевдонаучных построений немецких археологов абсолютно излишня, поскольку взгляды их не составляют никакой положительной научной ценности (т. I, стр. 185). Наоборот, нам представляется, что тот факт, что польская археологическая наука окрепла и выросла прежде всего в борьбе с немецкой фальсификацией далёкого исторического прошлого польского народа, в большой мере определил её конкретные успехи и обеспечил ей прочное место в истории славянской науки.

Это не значит, конечно, что победы, достигнутые польской археологией на поле конкретных исследований из области славянского этногенеза, достаточны сами по себе. Для полного разгрома немецко-фашистских расистских теорий и создания подлинно научных представлений о происхождении славянских народов необходим переход к новой методологии, основанной на теории Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина и на новом учении о языке акад. Н. Я. Марра, трактующей процессы этногенеза народов как процессы исторические в полном смысле этого слова, т. е. такие процессы, в основе которых лежат развитые производительные сил и соответствующие им изменения производственных отно-

³ Здесь слово «историография» применяется в качестве синонима исторической науки.

шений, определяющие качественные изменения языка и мышления.

К сожалению, автор не обнаруживает никакого знакомства с теорией акад. Н. Я. Марра и с работами советских этногенетиков в области славянского этногенеза. На последнее обстоятельство обратил уже отчасти внимание и К. Маевский (т. I, стр. 186).

В кратких чертах точка зрения Ю. Костшевского сводится к следующему. Археологически засвидетельствованное население польских земель в описываемый им период времени (I в. до н. э. — IV в. н. э.) является автохтонным. Последнее полностью доказывается тем, что культура этого населения (народ «ямных погребений») уходит своими корнями в культуру древних насельников польской территории (т. I, стр. 161). Докладчик считает, что в связи с событиями так называемого переселения народов от этой компактной массы населения «ямных погребений» оторвались более или менее значительные части, которые в процессе своего дальнейшего расселения дали восточное и южное славянство а также остальные ветви славянства западного. Часть населения «ямных погребений», оставшаяся на месте, дала польских славян (т. I, стр. 163).

Дело не только в том, что построение Ю. Костшевского до крайности сужает область славянского этногенеза и выдаёт за неё один из его очагов: дело в том, что в модифицированном виде оно возрождает отброшенную уже в советской этногенетике теорию праславянского народа и прародины. А что взгляды Ю. Костшевского отражают не только его личные представления, убеждает нас как работа Т. Лер-Сплавинского⁴, так и доклады других участников съезда, например, Ст. Запачковского.

Сколько причудливые формы может принимать подобная трактовка вопросов славянского этногенеза, свидетельствует хотя бы упоминаемая самим докладчиком и критикуемая им работа Р. Ямки⁵, который связывает образование восточного славянства с движением готам с верховий Вислы к берегам Чёрного моря, предполагая, что в своём движении готам удалось увлечь за собой известную часть туземного населения⁶. Не менее странно звучит в свете исследований советских этногенетиков и призыв виднейшего польского специалиста по истории славянского права В. Гейноша к изучению и реконструкции права праславянского народа (т. I, стр. 226).

⁴ Lehr-Splawinski T. «O pochodzeniu i praojczyźnie słowian». Poznań. 1946.

⁵ Janka R. Słowianie w pierwszych wiekach naszej ery w świetle materiałów prehistorycznych odkrytych na Śląsku i w Małopolsce. «Slavia Antiqua», I. Poznań. 1948. Позначимся с этой работой непосредственно нам пока ещё не удалось.

⁶ На фантастичность подобной постановки вопроса обратил внимание и К. Маевский (т. I, стр. 186).

Нет нужды подробно останавливаться на критике предлагаемого Ю. Костшевским варианта теории пранарода и прародины, поскольку в нашей печати она была уже подвергнута достаточно подробному разбору⁷.

Остановимся лишь на той части доклада Ю. Костшевского, в которой идёт речь о судьбах собственно польских земель в I в. до н. э. — IV в. н. э. Чрезвычайно существенны основные выводы, сделанные автором в результате изучения преимущественно археологических материалов. Прежде всего необходимо отметить, что начало торговых связей польских земель с Римом автор считает правильным относить ещё к I в. до н. э. Это очень важно для характеристики той информации, которая лежала, вероятно, в основе сведений античных авторов о Восточной Европе. Что касается населения польских земель в описываемый период, то автор считает, что в основном польские земли были заселены туземным народом «ямных погребений». Археологические материалы дают возможность говорить о наличии компактной группы кельтского населения в начале изучаемого периода только в Силезии и Малой Польше. В дальнейшем, когда отступили кельты, место их вновь заняли племена «ямных погребений». Соседство с кельтами оказало, повидимому, известное влияние на материальную культуру местных племён.

Что касается племён германского происхождения, то пребывание их на территории польских земель представляется автору малосущественным явлением, прежде всего в силу крайней малочисленности германских завоевателей, а затем в силу их слишком краткого пребывания на польской территории (т. I, стр. 162—163). Больше всего внимания, разумеется, уделяется готам и гепидам (последние появляются на польской территории около второй половины II в. н. э.), которых автор считает выходцами из Скандинавии, временно распространившими свою власть на польское Поморье. Уже во второй половине II в. н. э. готы устремились к Чёрному морю, а во второй половине III в. н. э. исчезли с польских земель и гепиды. Пребывание их здесь не оставило сколько-нибудь значительных следов и не смогло нарушить основного этнического состава туземного населения, от которого идёт прямая линия к польским славянам раннего средневековья. Это всего лишь краткий эпизод в истории польских земель.

Эту точку зрения в целом разделяет и второй докладчик, проф. Людвик Пётрович, который также подчёркивает крайнюю малочисленность вторгавшихся на польские земли германских племён (т. I, стр. 183). По его мнению, уже в середине III в. н. э. можно говорить о полном отходе с территории современной Польши племён германского происхождения, что он готов объяснить также и вооружённым отпором завоевателям со стороны туземного населения (т. I, стр. 182—183).

⁷ См. рецензию покойного В. И. Пичета на книгу Лер-Сплавинского. «Вопросы истории» № 1 за 1947 г., стр. 110—116.

В деталях, впрочем, мы можем констатировать значительные расхождения в точках зрения обоих докладчиков. В то время как Ю. Костшевский, опирающийся на археологический материал, фактически ограничивает германскую миграцию на польские земли готами и гепидами и только предположительно бургундами (у устья Одры), Пётрович, опираясь исключительно на данные письменных источников, говорит о целой волне наступления германских племён на юг и восток в I в. до н. э. Отсутствие материальных свидетельств об их пребывании в ряде районов Польши Пётрович объясняет как малочисленностью завоевателей, так и краткостью сроков самого господства их над местными племенами (т. I, стр. 178—183). В этой волне германского наступления на юг и восток участвовали, по его мнению, не только готы и гепиды, но и бургунды и лугины, а также квады и маркоманы, проникшие в Чехию и Моравию (т. I, стр. 178). Основным пунктом расхождения является, повидимому, трактовка проблемы об этнической принадлежности лугийских племён. В то время как Костшевский вслед за рядом других польских исследователей видит в них славянские племена (т. I, стр. 165), Пётрович относит их к германцам, отождествляя их с упоминающимися позднее в источниках вандалами (т. I, стр. 179). Следует отметить, что в этом вопросе точка зрения Костшевского, несомненно, ближе к точке зрения советских этногенетиков, рассматривающих лугийские племена как один из этнических субстратов формирующейся раннеславянской народности.

В целом проблема образования польского государства не была поставлена на съезде. Ни проф. Казимир Тыменецкий, ни Витольд Генсель в своих докладах, в сущности говоря, не ставили себе такой задачи, несмотря на то, что тема доклада первого докладчика сформулирована как «Генезис польской государственности», а второго — как «Генезис польской государственности в свете археологических исследований».

Посвящённый той же теме доклад Мариана Едлицкого в трудах съезда не напечатан.

Доклад К. Тыменецкого, одного из самых видных исследователей ранней средневековой Польши, посвящён источниковедческой базе исторических исследований, ставящих вопросы образования польского государства. При этом автор исходит из неправильной посылки, что задачи истории и социологии коренным образом отличны и что поэтому в истории применим лишь метод индукции, а роль дедукции фактически является ничтожной (т. I, стр. 207). В полном соответствии с этой отправной посылкой К. Тыменецкий считает необходимым ограничиться при изучении процесса образования польского государства изучением современных этому процессу письменных источников, отводя лишь самое незначительное место сравнительно историческому и ретроспективному методу. При этом он не скрывает

того факта, что письменные источники, современные эпохе образования польского государства, необычайно скудны и что если историк ограничится исключительно ими, то в исследованиях его останется целый ряд вопиющих пробелов, которые будут падать главным образом на социально-экономическую сторону событий.

Ограничение источниковедческой базы исследований могло быть признано удовлетворительным, если бы задачи историка ограничивались эмпирической фиксацией событий, без всяких попыток исследования процесса образования государства в целом, между тем задачей истории как раз является раскрытие основных закономерностей исторического процесса, разумеется, в их конкретной обусловленности времени и места, причём, как это блестяще обосновано трудами классиков марксизма-ленинизма, основные закономерности исторического развития являются единственными для всего человеческого общества.

Исходя из признания единства основных закономерностей исторического процесса для всего человечества и постоянно учитывая их, мы можем не только использовать сравнительно-исторический и ретроспективный метод, но и привлекать данные таких источников, использование которых буржуазной историографией, отрицающей закономерности исторического процесса, оказывается совершенно невозможным. Сошлёмся хотя бы на одну из последних работ покойного акад. В. И. Пичета, посвящённую как раз занимающей нас в данном случае проблеме, — «Образование польского государства»⁸. В ней, в частности, В. И. Пичета привлекает для воссоздания процесса образования польского государства легенду так называемого Галла-Анонима, подчёркивая при этом: «В свете учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина о возникновении государства эта легенда выглядят довольно правдиво»⁹.

Возможность использования подобных источников, разумеется, не означает отказа от самой тщательной критики их. Все указанные К. Тыменецким пороки таких «легендарных» источников (изменение фактуры, причинной связи явлений, нарушение топографии, частые случаи вымышленных персонажей и т. п.), безусловно, обязывают к этому.

В заключение подчеркнём только, что при той скудости письменных источников, которая характерна для эпохи образования польского государства, необычайно возрастает значение источников археологических.

Наиболее сильной стороной доклада В. Генселя является, несомненно, уничтожающая критика готской и норманской теорий происхождения польского государства. Польским археологом удалось полностью обосновать тезис об органическом, не связанном ни с каким внешним завоеванием процессе образования государства у польских славян.

⁸ «Славянский сборник», Госполитиздат, 1947.

⁹ Там же, стр. 50.

Заслуживают внимания и другие конкретные положения автора, в частности его замечания о характере польских «гродов» половины X века. Именно в это время, по его наблюдениям, радикально меняется характер укреплений великопольских «гродов». Появляются сильно укрепленные, обнесённые мощными валами «гроды» в Познани и Гнезно, а также в Сантоке, отправном пункте для великопольской экспансии в Поморье. Расположение вновь построенных «гродов» указывает на усилия княжеской власти ликвидировать племенные границы, консолидировать отдельные племена в рамках единого государства (т. I, стр. 216—217). Любопытно, что на Поморье аналогичные явления обнаруживаются значительно раньше, чем в Великой Польше (т. I, стр. 215).

Указанные наблюдения позволяют докладчику настаивать на тезисе, что польское государство Пястов оформилось к середине X века (т. I, стр. 217, 223). Нужно учитывать, однако, при этом, что названные явления можно рассматривать лишь как явления, сигнализирующие о завершении процесса образования государства и польских племён, а не как явления начального периода становления государственности.

В этой связи следует остановиться на том, что докладчик совершенно обошёл вопрос о причинах и предпосылках образования польского государства, фактически не коснулся материалов, характеризующих процесс имущественной дифференциации и классовобразования у польских племён. Между тем необходимые для этого археологические материалы, очевидно, у него были. Во всяком случае, если мы примем вывод автора о том, что оснащённые богатым инвентарём так называемые «княжеские» погребения IV в. н. э. действительно принадлежат туземным славянским «князьям», зчати (т. I, стр. 212), то получим один из исходных моментов для датировки этих процессов.

Интересны и более мелкие замечания автора: его заявление о том, что принятое представление о преемственности центров польской государственности (Крушвица — Гнезно) археологически не подтверждается, так как оба «города» появляются приблизительно одновременно (VIII в.), и его сообщение о последних раскопках в Волине, показывающих, что в середине X в. Волиня был типично славянским городом, на территории которого находились лишь отдельные дома купцов-викингов.

Значительное место в работе съезда заняли проблемы истории польских западных земель. Этим проблемам посвящено наибольшее количество докладов съезда — явление вполне понятное, если учесть ту громадную роль, которую предстоит сыграть западным землям в жизни народно-демократической Польши и всего остального славянства. Колоссальная созидательная работа, которая кипит в этих землях в настоящее

время, способствует усилению внимания польской науки к их исторической судьбе.

Конечно, было бы неправильным представлять себе дело так, что довоенная польская историография совершенно не занималась разработкой вопросов, связанных с историей западных земель. В настоящий момент стало, однако, совершенно очевидным, что необходимо не спорадическое, как прежде, а, так сказать, сплошное изучение западных земель — на всём протяжении их истории. Речь идёт о том, чтобы включить историю западных земель в общий польский исторический процесс, как подчёркивает это в своём докладе проф. Станислав Зайончковский («О периодизации истории возвращённых земель». Т. I, стр. 21).

Необходимым предварительным условием для этого является, несомненно, детальное изучение исторических судеб западных земель как исторического целого, причём, разумеется, «для польского историка самыми важными проблемами являются проблемы связей этих земель с польским государством, как политических, так хозяйственных и культурных, а также судьбы на этих землях польского населения, которое под немецким напором в течение веков всё более и более уменьшалось численно и деградировало социально» (т. I, стр. 24). Только детальное и всестороннее изучение прошлого западных земель сможет раскрыть их роль и значение в росте могущества милитаристской Пруссии.

Каждому исследованию подобного рода должна предшествовать попытка, хотя бы ориентировочная, периодизации основных исторических процессов. С подобной попыткой и выступил на съезде Станислав Зайончковский, предложивший принять за основу периодизации истории польских западных земель шесть следующих периодов: от поморских походов Мешко I до 1181 г. — эпоха вхождения западных земель в польское государство; 1181—1343 г. — период постепенного отделения западных земель от Польши; 1343—1525 — период частичного возвращения их в состав Польши; 1525—1815 — время собирания западных земель Пруссией; 1815—1919 — период вхождения западных земель в состав Пруссии, их интенсивная германизация; от 1919 г. до будущего мирного договора с Германией — период полного возвращения западных земель Польше.

С первого же взгляда бросается в глаза неудовлетворительность изложенной схемы периодизации истории западных земель. В сущности, исключая пятый период, перед нами не периодизация истории западных земель, а попытка наметить основные вехи в истории польской западной границы, что, очевидно, далеко не одно и то же. Вследствие этого из поля зрения автора выпал такой громадный отрезок времени, как период существования на западных землях первобытно-общинной формации, а два таких принципиально отличных явления, как восстановление польского государства в 1918 г. и связанное с ним частичное воссоединение западных земель после первой мировой войны и образование народно-демократиче-

ской Польши и воссоединение с ней западных земель и большей части Восточной Пруссии после второй мировой войны, оказались отнесёнными к одному периоду. Периодизация истории польских западных земель должна строиться на совершенно иных принципах — на основе марксистского учения о социально-экономических формациях, с учётом не только основных исторических процессов, характерных для самих западных земель, но и в рамках основных исторических процессов, которые определяли этапы развития Германии и Польши.

Остановимся в нескольких словах ещё на одном докладе общего значения, прочитанном на съезде доц. Яном Натансоном-Леским, — «Географическо-историческая структура западной границы Польши». После краткой этногеографической справки, в которой Натансон-Леский отмечает, что за пределами современной западной границы всё ещё остаются небольшие куски территории, в древности населённой польскими племенами или входившей в состав польского государства (т. I, стр. 19—20), автор переходит к краткому изложению исторических судеб западных земель X—XX вв., в основном сосредоточив своё внимание на периоде X—XV веков.

Казалось бы, в центре построения доклада (для истории данного периода) должны были прежде всего оказаться два основных вопроса: связь между восточной политикой польского феодального класса и потерями Польши на западе и причины прекращения немецкого наступления на восток в XIV—XV веках. Если на втором вопросе докладчик всё же, хоть и вскользь, остановился, отметив кризис германской и чешской государственности (т. I, стр. 17), то первый оказался совершенно обойдённым. Это особенно странно потому, что Натансон-Леский занимался ранее историей восточной границы Польско-Литовского государства, и связь агрессивной восточной политики Польши с потерями западных территорий для него должна была быть ясна. Докладчик просто констатирует факт (впрочем, тоже не вполне точно), что с момента стабилизации западной польской границы в XIV—XV вв. проблемой западных польских земель в Польше никто не интересовался. Он пытается объяснить это положение распространением в польском обществе идеи территориального роста Польши путём добровольных уний с ней соседних земель (т. I, стр. 18).

Таким образом, полностью снимается вопрос о классовом существовании восточной политики польских феодалов. Что касается тезиса Я. Натансона-Леского, что в Польше XIV—XV вв. никто больше не интересовался судьбой потерянных западных польских земель, то тезис этот опровергается уже содержанием доклада Стефана Кучинского «Длугош и западная польская граница». Кучинский не только восстановил действительное отношение крупного польского историка к польским потерям на западе, но только напомнил проповедовавшуюся Длугошем программу возвращения Польши к границам по Одре и Нисе (т. I, стр. 71—77), но и показал, что за этим в дей-

ствительности следует видеть тайные планы королевского двора — возобновить борьбу за Силезию и Любушскую землю (т. I, стр. 81).

Проф. Казимир Тыменецкий в своём докладе сделал попытку дать развёрнутое объяснение причинам прекращения немецкого наступления на восток. Тема доклада так и формулируется: «Причины приостановки немецкой экспансии на востоке в конце средневековья». Правильно связывая это явление с теми глубокими социально-экономическими процессами, которые происходили в XII—XIV вв. в Польше, автор, на наш взгляд, совершенно неправильно характеризует их как процесс усвоения польским обществом высшей западной цивилизации (т. I, стр. 35). Речь идёт о таких общих и характерных для периода феодальной раздробленности явлениях, как укрепление и дальнейшее развитие феодальных отношений в деревне, рост крупного землевладения и переход к денежному рынку, с чем самым тесным образом связаны развитие ремесла и торговли в городе, превращение прежних городских посадов в города как самостоятельные самоуправляющиеся единицы (т. I, стр. 36).

Немецкая колонизация XIII в в Польше — это только конкретно-исторически обусловленная форма этих процессов, в несколько ином по внешности виде происходивших и в других странах. Автор совершенно прав, когда, говоря о немецкой колонизации, предостерегает от представления о ней как о каком-то массовом наплыве немцев в польские города и особенно деревни, подчёркивая, что количество немецких колонистов в целом было невелико (т. I, стр. 36), а в XIV в. немецкий элемент в городах оказался и политически разгромленным (т. I, стр. 37).

Разумеется, происшедшее в изменившейся социально-экономической обстановке объединение польских земель в рамках единого польского государства в XIV в. было качественно совершенно иным, чем объединение польских племён в середине X столетия. Новое объединённое польское государство оказалось в состоянии дать отпор Тевтонскому ордену, стоявшему теперь в авангарде немецкого наступления на Восток (т. I, стр. 37).

К сожалению, подчёркивая роль Польши в задержке немецкого наступления на восток в XIV—XV вв., автор сознательно не учитывает, что аналогичную роль играли в это время гуситская Чехия и Литва, не понимает всемирноисторического значения Ледового побоища как первого решительного поражения немцев в Прибалтике. С другой стороны, необходимо учитывать и тот внутренний кризис, который в этот момент переживала Германская империя, что, несомненно, не могло не отразиться на исходе событий.

С большим интересом читается обширный доклад доц. Мариана Маловиста «Экономическая политика Тевтонского ордена в XV веке». Основные положения доклада сводятся к следующему: XIV век — время экономического расцвета орденского государства в Прибалтике (т. I, стр. 57). В этот период Орден превращается в крупнейшего

торговца, банкира и предпринимателя. Обширные торгово-финансовые операции Ордена укрепляют его политический (т. I, стр. 51). Первые годы XV в. являются апогеем его экономической деятельности, когда он успешно ведёт посредническую торговлю, продавая на рынки Западной Европы не только свой, прусский, хлеб но отчасти и хлеб из Литвы и Польши, главным же образом вывозя оттуда лес, воск, меха и другие продукты и ввозя взамен сукна из Англии и Фландрии (т. I, стр. 52—55).

Торговля Ордена хлебом уже и в этот период сильно задела экономические интересы прусских городов, однако они всё ещё предпочитали мириться с фактом существования орденского государства, видя в нём мощного политического защитника их торговых интересов за границей (т. I, стр. 57).

Грюнвальдская битва знаменует собой начало глубокого экономического кризиса орденских земель, опустошённых войной. Резкое недовольство внешней политикой Ордена обнаруживается как у шляхты, так и у прусских городов, сильно страдавших от потери польских рынков (т. I, стр. 58—59). С другой стороны, политическое и военное ослабление Ордена привело к тому, что он уже не мог больше выступать в качестве могущественного защитника прусских городов за границей (т. I, стр. 62).

Все эти обстоятельства и объясняют наметившееся уже в 30-х годах XV в. тяготение прусской шляхты и городов к Польше (т. I, стр. 64). Положение несколько меняется в 40-х годах XV в. с прекращением польско-орденских войн. Начался период известного экономического восстановления орденских земель. Но сам Орден уже не мог восстановить свои потерянные позиции на польском рынке: их захватили прусские города, всё более и более тесно экономически связывавшиеся с Польшей и Литвой (т. I, стр. 65—66).

Правда, бывших союзников (пруссие города и шляхту) разделили теперь серьёзные противоречия: города боролись со свободной торговлей иностранцев, отказывались выдавать беглых крестьян, чем пытался воспользоваться Орден. Но интересы каждого из бывших союзников всё больше привязывали их к Польше. Города были заинтересованы в польско-литовской торговле, прусская шляхта надеялась на уравнение в сословных правах с польской (т. I, стр. 67). Так был канун нового столкновения Польши с Орденом.

Несомненный интерес представляет также доклад проф. Владислава Чаплинского «Влияние реформации и контрреформации на национальные отношения в Силезии», в котором проф. Чаплинский оспаривает тезис о могущественном влиянии обоих этих явлений на процесс германизации польского населения в Силезии (т. I, стр. 89).

Необходимо отметить и остальные доклады из этой серии: доклад Тадеуша Добровольского «Наблюдения над средневековым искусством Силезии», в котором отмечается ряд черт, роднящих силезское искусство со средневековым искусством Малой Польши

(т. I, стр. 159), и доклад Кароля Гурского «Историческая проблематика Западного Поморья», в котором подводятся некоторые итоги предыдущим исследованиям истории Западного Поморья и намечаются конкретные задачи на будущее. На очереди стоят исследования по истории социально-экономического строя Западного Поморья в раннее средневековье, по истории германизации страны и частичного упадка старых славянских городов (Волин, Камень), роли Поморья и померанского юнкерства в истории прусского милитаризма.

Один из крупнейших польских историков-экономистов, проф. Ян Рутковский, сделал на съезде доклад на тему «Проблема распределения общественного дохода до XVIII века». Научная значимость этой проблемы очевидна. Надо, однако, учесть, что проф. Рутковский видит в ней узловой пункт экономической истории. Во введении к новому изданию известного его труда «Экономическая история Польши» проф. Рутковский излагает сущность исторического материализма и, отталкиваясь от основных его принципов, заявляет далее: «Целью экономической деятельности отдельных лиц является добывание определённого количества материальных благ. Всюду, где эта деятельность происходит в обществе (ошибочная отговорка, так как только в обществе и возможно производство. — И. М.), цель этой деятельности, с точки зрения всего общества, предстаёт перед нами в форме распределения общественного дохода. Анализ элементов экономического строя и их отношения к вопросу распределения общественного дохода показывает, что все они находятся в непосредственной или косвенной связи с вопросом этого распределения. Из этого следует, что, желая исчерпывающей форме отобразить распределение общественного дохода в какой-либо стране и на какой-либо ступени её экономического развития, мы должны охватить все элементы социально-экономического строя этой страны в ту эпоху или всю её экономическую историю в рамках данной эпохи. Из этого же вытекает, что, принимая в качестве центральной проблемы экономической истории вопрос распределения доходов, мы можем достичь полного синтетического охвата всей совокупности социально-экономической истории»¹⁰.

Нетрудно убедиться, что проф. Рутковский ошибочно превращает вторичный, производный момент производственных отношений — распределение — в основной предмет, принципиальный определитель экономической истории. Между тем «структура (Gliederung) распределения вполне определяется структурой производства. Распределение само есть продукт производства, — не только в отношении предмета, ибо распределяться могут только результаты производства, — но и в отношении формы, ибо оп-

¹⁰ Rutkowski J. *Historja gospodarcza Polski*. T. I, str. 21. Wyd. 3-e. Połnań. 1947.

ределённый способ участия в производстве определяет особую форму распределения, — форму, в которой каждый принимает участие в распределении»¹¹.

Проф. Рутковский сам признаёт печальные результаты, к которым приводит принятая им схема. В докладе на съезде он заявил: «В настоящий момент невозможно написать монографию, даже ограниченную скромными хронологическими и территориальными рамками, в которой вся совокупность экономических отношений была бы охвачена с точки зрения распределения доходов» (т. I, стр. 373). Необходимо отметить, что в своей «Экономической истории» проф. Рутковский, может быть, даже вопреки своей воле и, во всяком случае, вопреки своей схеме, значительно ближе подходит к правильному построению исследования, начиная его не с распределения, а с производства.

Для оценки точки зрения проф. Рутковского и его школы нелишне напомнить слова Маркса: «То воззрение, которое рассматривает исторически лишь отношения распределения, но не отношения производства, с одной стороны, есть лишь воззрение зарождающейся, ещё робкой критики буржуазной экономии». Было бы несправедливо отнести это в полной мере к проф. Рутковскому, так как он стремится рассматривать исторически и отношения производства, но он ещё не решился отказаться от взгляда на распределение как на основное звено экономической истории. Маркс говорит далее: «С другой же стороны, оно основано на смешении и отождествлении общественного процесса производства простым процессом труда, который должен совершать и искусственно изолированный человек без всякой общественной помощи»¹². Приведённая выше цитата из книги проф. Рутковского свидетельствует о том, что мысль об «экономической деятельности человека вне общества» ему далеко не чужда.

Вместе с тем ошибочное понимание проф. Рутковским и его школой роли и значения в экономической истории проблемы распределения общественного дохода не лишает ценности осуществляемое ими конкретное исследование этого вопроса. Доклад проф. Рутковского, посвящённый не столько общей характеристике значения проблемы распределения общественного дохода в Польше в XVI—XVIII вв., сколько выяснению конкретных особенностей исследования проблемы дохода различных социальных групп польского феодального общества, содержит ряд интересных наблюдений; многие замечания этого выдающегося знатока источников экономической истории Польши представляют большую ценность и могут оказать немалую помощь другим исследователям.

К докладу проф. Рутковского тесно примыкает доклад доц. Витольда Кули «Размер и распределение дохода в феодальном обществе». Свидетельством того, в какой тупик

приводит в конечном счёте превращение вопроса о распределении в самодовлеющий и определяющий пункт исследования, служит выдвигаемый докладчиком в качестве поправки к построению проф. Рутковского тезис о том, что в условиях барщинно-фольварочного феодального хозяйства доход следует исчислять не в отдельности по фольварку и по крестьянским землям, а по всему комплексу земель данного имения в целом. Таким образом, выясняется, что уже наиболее близкий к вопросу распределения доходов вопрос о его размере создаёт значительные трудности и может быть разрешён в конечном счёте (о чём не говорит Куля) лишь в том случае, если отправным пунктом исследования станет самое производство. Куля заявляет, что «проблематика размера общественного дохода не менее важна, чем проблемы, связанные с его распределением». Далее он расцфрировывает этот тезис следующим образом: «Борьба человека с природой за размер общественного дохода представляет для науки не меньшую общественную значимость, чем борьба людей между собой за распределение этого дохода». Лишь во взаимосвязи этих факторов, заявляет Куля, можно найти ключ к решению вопросов экономической истории (т. I, стр. 395, 396).

Эти замечания показывают, что Куля, хотя ещё и неуверенно, нащупывает правильный путь подхода к проблематике экономической истории. Он вполне справедливо указывает на неизбежность ошибок, связанных с попытками перенесения на экономику феодального общества закономерностей экономики капитализма. Он приводит несколько любопытных примеров такого рода ошибок в работах польских историков (например, привнесение понятия о всеобщем рынке, рыночных ценах и т. д. в условиях, когда рынок играл лишь ограниченную, подчас ничтожную роль).

Вопросам межславянских отношений посвящено было четыре доклада, из которых два характеризуют польско-русские культурные связи, третий даёт довольно обширный обзор польско-чешских культурных отношений в средние века, а четвёртый (к сожалению, неопубликованный) посвящён вопросам культурных связей Польши с южными славянами. Совершенно не были освещены на съезде такие первостепенные проблемы, как проблемы польско-русских и польско-чешских политических отношений, успешно разрабатываемые исследователями всех трёх национальностей.

Нигде в другой области исторического знания не чувствуется так сильно отставание польской историографии, как в области изучения польско-русских культурных отношений, и это при наличии многовекового культурного общения двух соседних народов! Это отставание историографии с предельной ясностью сказалось на обоих докладах: на слишком сжатом и неполном, характеризующем исключительно польские культурные влияния на русское общество XVII в. докладе проф. Владислава Томке-

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII. Ч. 1-я, стр. 185. См. также В. И. Ленин. Соч. Т. 3. Изд. 4-е.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIX. Ч. 2-я, стр. 454.

вича «Польско-русские культурные отношения до XVIII века» и в ещё большей степени на докладе Кароля Заводзинского «Русско-польские культурные отношения с конца XVIII века». В последнем случае отсутствует даже просто связно рассказанная линия этих отношений; автор сосредоточивает своё внимание часто лишь на деталях, не касаясь основных вопросов и не обнаруживая достаточного знакомства даже с той немногочисленной историографией и публикациями источников, которые всё же имеются на русском языке.

Гораздо лучше, как свидетельствует об этом доклад Станислава Верчинского, изучены польско-чешские культурные отношения, до конца XV в. характеризующиеся фактом преимущественного влияния чешской культуры на польскую. Об обратном влиянии — польской культуры на чешскую, — по словам автора, можно говорить только в XVI в. и особенно в XIX (т. I, стр. 265—267). Между этими двумя периодами лежат почти весь XVII в. (после Белой Горы) и XVIII в., когда культурные польско-чешские связи были фактически прерваны.

Помимо упомянутого выше доклада Тадеуша Грабовского «Культурные связи поляков с южными славянами» остался неопубликованным и доклад доц. Казимира Лешего «Польские проекты Лиги славянских государств в XVI веке».

Несколько особняком в работах съезда стоит доклад видного специалиста по истории славянского права проф. Войцеха Гейнопа «Замечания по поводу необходимости сравнительных исследований в области истории славянского права». В своём докладе В. Гейнош ставит перед польской исторической наукой ряд практических задач, предлагая, в частности, организовать необходимое количество кафедр славянского права в польских университетах. Далее он обосновывает своё предложение о необходимости организации специального института в Кракове для изучения славянского права.

Изолированным осталось на съезде и выступление доц. Герарда Лабуды, посвящённое достижениям и задачам польской историографии в области изучения полабского и прибалтийского славянства. Намеченной автором обширной программе работ, в которой, к сожалению, не выделены основные проблемы исследования, предшествует краткая историографическая справка, характеризующая состояние русской, польской, чешской и немецкой историографии вопроса. Следовало бы отметить неполноту представленной справки о русской историографии вопроса и отсутствие в ней указаний на последние работы советских славистов.

Проблемам новой истории было посвящено несколько докладов в первой секции съезда. Темой докладов проф. Анджея Войтковского и Ирены Петшак-Павловской было пробуждение национального сознания среди мазуров Восточной Пруссии. Чтобы оценить, сколь актуальное значение имеет эта тема, достаточно вспомнить о постоянных стремлениях реакционных немецких учёных

доказать неспособность поляков к самостоятельной национальной жизни, стремлениях доказать мнимое превращение силезских, мазурских и кашубских поляков в «истинных» немцев.

Эти доклады показывают, что поляки под властью немцев, несмотря на беспощадное преследование и германизацию, не сдавались немцам, вели против них упорную борьбу и достигали в этой борьбе несомненных успехов. Даже мазурские поляки, подпавшие под власть немецких захватчиков ещё в XVII в., принявшие протестантизм и находившиеся, следовательно, в наибольшей опасности германизации, сопротивлялись ей, боролись за сохранение своей национальной самобытности.

Доклады Войтковского и Петшак-Павловской показывают пробуждение национального самосознания среди мазуров в первой половине XIX века. Это пробуждение носило сложный характер. Мазуры, как показывают авторы, в эту эпоху не стремились ещё к объединению со всем польским народом в едином польском государстве, были верными подданными прусского короля, являвшегося одновременно главой их церкви. Но они не хотели онемечиваться и стремились к сохранению своей этнической польской самобытности. Прусские правящие круги пытались уничтожить этническую самобытность мазуров, населявших южные районы Восточной Пруссии, которую прусское правительство рассматривало как важнейший плацдарм для агрессии на Восток. Уничтожение самобытности мазуров шло по двум линиям: экономической и языковой. Немцы отбирали у поляков землю, являвшуюся важнейшей (если не единственной) экономической базой их существования, и германизировали польское население. Земля отбиралась как у польской шляхты, так и особенно у польских крестьян. В результате аграрных реформ польские крестьяне потеряли до двух третей своих прежних земель, что привело к их обнищанию. В особенно тяжёлое положение попали польские крестьяне в 40-х годах, когда крестьянские хозяйства были поражены падежом скота и неурожаями. Одновременно происходила усиленная германизация. Во всех школах вводилось обучение детей только на немецком языке, даже если дети совершенно не понимали по-немецки; польских учителей, не знавших немецкого языка, увольняли.

Естественно, поляки-мазуры начали борьбу за своё самосохранение. Виднейшим деятелем в этой борьбе был священник Гизевуш, который особенно много сделал в борьбе за польский язык. Он добивался права обучения польских детей на родном языке, стараясь подготовить кадры польских учителей, доказывал необходимость сохранения родного языка как важнейшего средства сохранения самобытности и улучшения материального и культурного положения широких масс польского населения. Главными помощниками Гизевуша были польские священники и учителя. Характерно, что всё это движение питалось и поддерживалось исключительно местными силами, и попытки Гизевуша получить помощь со стороны поляков Познани оказались безуспешными.

Гизевуш дважды предавался суду прусскими властями. В 1848 г. он был избран депутатом в берлинское Национальное собрание, но в мае того же года умер.

Как отмечают авторы, Гизевуш был противником революционных методов борьбы и сторонником польско-немецкого сближения. Его деятельность не увенчалась успехом. Прусские правящие круги лишили мазуров всех прав на национальную самобытность. Однако мазуры не признали себя побеждёнными и продолжали свою борьбу и после образования Германской империи.

Оба указанных доклада ценны тем, что привлекают внимание к той ветви польского народа, которая долгое время считалась наименее сохранившейся, если не совсем утраченной для Польши. Однако доклады не дают чего-либо нового в методологическом отношении для польской исторической литературы. Опираясь на старый материал, отчасти на собственные труды, авторы освещают движение мазуров с точки зрения старой методологии. Авторы не пытаются рассмотреть это движение как отражение интересов определённых общественных групп или классов, рисуя его как нечто единое, лишённое каких-то ни было внутренних различий или противоречий.

Тем же недостатком страдает и доклад Витольда Якубчика. Этот доклад представляет собой лишь перечень основных польских общественных, экономических и культурных организаций, существовавших на захваченных Пруссией польских землях в период с 1828 по 1918 г. и ставивших своей задачей сохранить и укрепить польский элемент с помощью так называемого «органического труда», т. е. экономического и культурного развития. Автор показывает успехи в развитии «внутренней организации польского общества», но не показывает закономерности в этом развитии, так как не пытается связать надлежащим образом возникновение и деятельность этих организаций с определёнными общественными группами, ограничиваясь довольно случайными в этом отношении замечаниями. Автор сам указывает на стр. 91 (т. I), что он «обходит» социальные и экономические основы развития описываемых им процессов, полагая, видимо, что тем самым предохраняет себя от критики за этот недостаток своего обзора. Однако подобный расчёт неправилен. Отмеченный недостаток является главным в обзоре Якубчика и весьма понижает его научную ценность.

Революции 1848 г. было посвящено на съезде 13 докладов в специальной секции. Кроме того были заслушаны доклад Стефана Кеневича «Вклад Польши в европейскую революцию 1848 года» на пленарном заседании съезда и ещё три доклада, связанные с проблемами революции 1848 г., в подсекции истории педагогики.

К сожалению, издание «Трудов» съезда, как мы уже указывали, не включило доклады пленарных заседаний. Кроме того в нём отсутствуют и весьма интересные по тема-

тике доклады Эмиля Кипы «Состояние изучения революции 1848 года», Янины Беньжувны «1848 год в Галиции», Антония Кнота «Проблема школы и просвещения в Галиции в 1848 году» и Анджея Буковского «Поморье в 1848 году».

Столетие революции 1848 г. было отмечено в Польше изданием большого количества трудов как научно-популярного, так и исследовательского характера. Отличительной чертой этих изданий является прежде всего особенное внимание к вопросам революции 1848 г. на возвращённых западных землях; ряд журнальных статей и докладов на съезде посвящён проблемам истории революции 1848 г. в Силезии (М. Тырович, Каз. Попёлек, А. Рембовский, М. Тобиаш и др.), на Поморье (А. Буковский, Вл. Хойнацкий, С. Кеневич), в мазурских районах Восточной Пруссии (Вл. Хойнацкий). Некоторые из этих проблем изучаются впервые, некоторые подверглись значительному пересмотру и, можно сказать, заново поставлены польскими исследователями.

Ряд статей, связанных единством темы и представляющих собой, очевидно, фрагменты большого исследования революции 1848 г. в Галиции, издал Стефан Кеневич. Вместе с тем проф. Кеневич продолжил начатое им ещё задолго до войны исследование революции 1848 г. в Познанском княжестве и опубликовал в сборнике статей «Wzorna ludów na ziemiach polskich» переводку изданной в 1935 г. монографии о познанском восстании 1848 года.

В рамках настоящего обзора мы не имеем возможности рассмотреть всю уже известную нам новую польскую литературу по истории революции 1848 года. Лишь говоря о докладах, прочитанных на съезде, мы коснёмся некоторых статей тех же авторов, тематически связанных с проблематикой их докладов.

Заседания секции открыл доклад проф. Эмиля Кипы. Ввиду отсутствия этого доклада в «Трудах» съезда мы пользуемся журнальной статьёй, вероятно, соответствующей в основных своих чертах докладу¹³. Проф. Кипа дал краткую характеристику развития историографии революции 1848 г. на польских землях в период между первой и второй мировыми войнами. Указывая, что исследование проблем революции 1848 г. в Польше перед первой мировой войной было ещё в самом зачатке и что важнейшие результаты в этой области были достигнуты в двадцатилетний межвоенный период, проф. Кипа вполне основательно отмечает фрагментарный характер исследования проблемы в большинстве появившихся до 1939 г. работ. Докладчик не подвёл, однако, итога, показывающего, какие стороны вопроса ещё остаются неизученными, какие выводы старых исследований нуждаются в проверке и пересмотре. Отсутствие итоговой, обобщающей оценки сказывается и на формулировке задач дальнейшей исследовательской работы над историей революции 1848 года.

¹³ «Kwartalnik historyczny», zeszyt 1—2, str. 1—11. 1948.

Отметив, что уничтожение ряда ценных архивов в результате немецкой оккупации значительно сузило базу исследования, проф. Кипа подчеркнул особенное значение сохранившегося краковского архива Чарторыйских. Именно материалы этого архива, по мнению докладчика, и должны привлечь основные силы исследователей. Нельзя не согласиться с докладчиком, что предложенное им издание ряда материалов этого архива (донесения агентов Чарторыйского, дипломатическая и политическая корреспонденция и т. д.) представляло бы значительную ценность для исследователя, но, по нашему мнению, было бы ошибочно ограничить работу над историей революции 1848 г. одной лишь публикаторской деятельностью. Опасным являлось бы также и направление внимания исследователя в первую очередь в ту сторону, куда его будет, естественно, толкать характер материалов архива Чарторыйских.

Исследование деятельности консервативной эмиграции, её связей с помещичьими фракциями в самой Польше, освещение её деятельности в революционную эпоху 1846—1849 гг., т. е. работа в той области, для которой материалы архива Чарторыйских представляют особенно богатый и важный материал, несомненно, нужно и ценно. Однако ограничиться этим или даже выдвинуть эту задачу как важнейшую и первоочередную значило бы искусственно сузить изучение революции 1848 г. в Польше. Вывод проф. Кипы об узости базы исследования нам представляется чрезмерно пессимистичным. Несомненно, что гибель рапперсвильских коллекций, уничтожение варшавского и познанского архивов представляют тяжёлую и невозместимую потерю для науки. Тем не менее круг сохранившихся архивных материалов весьма значителен (особенно для истории революции 1848 г. в Галиции), трудно переоценить богатство материалов, сосредоточенных в Оссолинеуме, наконец вряд ли произошло существенное уменьшение возможностей использования такого важного для истории революции 1848 г. источника, каким является пресса. Мы полагаем, что изучение таких центральных и ещё далеко не достаточно исследованных вопросов, как крестьянское движение 1848 г., участие в революции пролетарских и полупролетарских элементов, эволюция политических течений среди буржуазии и связь этих течений и их политических программ с помещичьими кругами, вполне возможно и представляет насущную задачу исторической науки.

Доклад Виславы Кнаповской «1848 год в Познанском княжестве» представляет собой краткую формулировку проблем, нуждающихся в дополнительном исследовании. Трудно при отсутствии развёрнутой аргументации оценивать справедливость выдвинутых в докладе различных положений, однако несомненно правильным следует признать указание докладчика, что необходимо более полное исследование предреволюционного периода и особенно исследование остающегося обычно в тени периода, следующего не-

посредственно за подавлением познанского восстания в мае 1848 года.

Менее убедительно звучат остальные тезисы доклада. Кнаповская обращает особое внимание на отношение к польскому вопросу прусского правительства и на проблему реальности предположений о возникновении в 1848 г. русско-прусской войны. Утверждая, что возможность войны Пруссии с царской Россией была весьма велика¹⁴ и сохраняла своё значение ещё в июне — июле 1848 г., т. е. после подавления познанского восстания, докладчик поднимает этому вопросу оценку познанского восстания и заявляет, что надлежит исследовать, насколько это восстание было зрелым политическим актом и правильно ли (в свете перспектив русско-прусской войны) был избран для него момент. Хотя в самом докладе это положение формулируется в виде вопроса, не представляет труда прочитать между строк отрицательный ответ, который даёт на него докладчик.

Односторонний характер самой постановки вопроса, перенесение центра тяжести с основных (и, заметим, отнюдь не в меньшей мере требующих исследования) социальных проблем на проблемы внешнеполитические приводит автора к ошибочной оценке выдающегося события польской истории. Подобный подход к проблеме познанского восстания не нов: с ним можно было встретиться и в большом исследовании Юзефа Фельдмана, но, во-первых, оно появилось в 1933 г., до работы Кеневича, специально посвящённой внутренней стороне познанских событий 1848 г., во-вторых, Фельдман ставил своей задачей исследование польского вопроса в международном отношении в 1848 г., и у него внешнеполитические проблемы, повятым образом, выдвигались на первый план. В докладе же В. Кнаповской такая постановка проблемы производит странное впечатление. Но дело не только в этом.

И Кнаповская и Верещицкий (как и ранее Фельдман) считают, что либерально-буржуазное прусское правительство всерьёз думало о революционной войне против царской России. Именно это и является базой их рассуждений. Но рассуждения эти ложны потому, что ошибочна основная идея.

В работе «Революция и контрреволюция в Германии» Энгельс писал: «Передовая партия в Германии, считая войну с Россией необходимой для поддержания движения на континенте и полагая, что восста-

¹⁴ Отметим, что аналогичным образом решает вопрос и проф. Верещицкий, заявляющий: «В марте 1848 года инициатива постановки вопроса о восстановлении польского государства вышла из Берлина и привела к тому, что в течение нескольких недель весь дальнейший ход событий, судьба всей революции зависела от того, как определится польский вопрос в дипломатической игре великих держав» (т. I, стр. 123). Проф. Верещицкий считает, в отличие от Кнаповской, что уже через четыре недели после революции в Берлине возможность объявления прусским правительством войны России отпала, но эта поправка не имеет принципиального значения.

новление независимости хотя бы части Польши неизбежно приведёт к этой войне, поддерживала поляков, тогда как правящая буржуазная партия ясно предвидела своё падение в случае национальной войны с Россией»¹⁵. Следовательно, для того чтобы развернуть революционную войну против царизма, за восстановление Польши, требовались не переговоры с прусским правительством — путь, на который встал либеральный польский познанский комитет и который косвенно одобряет В. Кнаповская, — а революционное действие, каким было народное познанское восстание.

Выдвигаемые В. Кнаповской тезисы могут способствовать уточнению частных моментов истории революции 1848 г. в Познани, но они не определяют основного направления дальнейшего исследования. К сожалению, проблема революции 1848 г. в Познани не нашла более широкого и точного отражения в повестке дня съезда.

Доклад проф. Стефана Кеневича «Галиция в 1848 г.» подводит итог большого исследования, результаты которого в виде отдельных статей публиковались в 1948 г. в журналах и сборниках. Доклад представляет собой изложение в конспективной форме хода событий революции 1848 г. в Галиции с подчёркиванием основных проблем и с выделением важнейших, переломных пунктов событий.

В одной из упомянутых выше статей проф. Кеневич подчёркивает, что важнейшим, определяющим вопросом в революции 1848 г. был социальный, крестьянский вопрос, а не вопрос национального освобождения¹⁶. Эта правильная установка принципиально отличает проф. Кеневича от подавляющего большинства предшествующих исследований. Отметим также, что Кеневич в своём популярном очерке, опубликованном в сборнике «Wiosna ludów na ziemiach polskich», правильно подчёркивает неразрывную связь революционных событий в Галиции в 1846 и 1848 годах. Это не нашло, однако, отражения в его докладе на Вроцлавском съезде.

Кеневич отмечает, что движение в Галиции было слабее, чем движение в Познани, и одновременно с этим менее жизненно, менее прочно, чем в других областях австрийской монархии. Это объясняется двумя причинами: внутренней — «расколом польского общества» вследствие событий 1846 г., скванностью под влиянием непрекращавшегося страха перед возобновлением крестьянского восстания, и внешней — дипломатическим и военным нажимом России на Австрию, который «сделал невозможной для центрального правительства политику уступок полякам» (т. I, стр. 273). Нам кажется, что автор здесь некритично воспринял круг понятий и терминологию тех устаревших работ, о недостатках которых он сам говорил, оценивая историографию вопроса.

О каком «расколе» польского общества в 1846 г. может идти речь? Старая польская публицистика и историография представля-

ли галицийское крестьянское восстание 1846 г. как нарушение патриархальных связей между помещиком и крестьянином, разрыв национального единства. Статьи проф. Кеневича (кроме упомянутых, укажем ещё статью в журнале «Sobótka» за 1948 г.) убедительно свидетельствуют, что автор видит классовую структуру общества, понимает характер событий 1846 г., понимает, что никакого «единства» между крепостным и помещиком не было и быть не могло. Из тех же статей и из самого доклада явствует также и то, что страх помещиков перед крестьянским восстанием лишь подкреплял их консервативные, контрреволюционные позиции, но сам по себе не был их первопричиной. Значит ли это, что неправильна самая ссылка на события 1846 г., когда речь идёт о слабости революционного движения 1848 г. в Галиции? Нет, не значит. События 1846 г. действительно оказали значительное влияние, но искать его следует не в якобы появившемся лишь вследствие этих событий «расколе», т. е. классовом делении польского общества, а в той нерешительности и непоследовательности, которые характеризуют действия польских буржуазных демократов, не решавшихся порвать с помещиками и возглавить крестьянское движение.

Справедливо указание на военно-дипломатический нажим царизма, с тревогой следившего за развитием революции у границ Российской империи, но сомнительно объяснение этим того, что центральное (венское) правительство не делало уступок полякам. Для этого надо было бы сначала доказать, что у венского правительства была подобная программа уступок, соглашения с поляками. Факты говорят скорее об обратном.

Если говорить, наконец, о причинах слабости революционного движения 1848 г. в Галиции, то необходимо отметить и ещё одну существенную причину, которую опускает проф. Кеневич: возникновение острого польско-украинского национального конфликта вследствие той великодержавной позиции, которую заняли польские политические течения, не исключая в значительной мере и демократов. Результатом этого явился захват руководства украинским национальным движением контрреволюционной Головной радой.

Это — не единственное место в докладе проф. Кеневича, где (как нам кажется, из-за чрезмерной краткости) встречаются тезисы, вызывающие возражения, между тем как в статьях на эту тему тот же автор даёт более правильные формулировки. В докладе мы читаем: «Львовская революция 19—21 марта представляла ограниченный, самодовлеющий эпизод. Инициативу дала группа демократов Смольки, главным образом благодаря тому, что лидеры помещиков опоздали с определением позиции» (т. I, стр. 273).

Мы полагаем, что характеристика Смольки и его единомышленников как демократов не выдерживает критики. Смолька был лидером национал-либерального течения. Вопрос этот имеет существенное значение, так как от его решения зависит оценка расстановки политических сил в Галиции, а в связи с этим и общая характеристика рево-

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 59.

¹⁶ «Przegląd historyczny», str. 61. 1948.

люции 1848 г. в Галиции. Между тем в своих статьях проф. Кеневич хотя и не называет Смольку либералом, всё же отделяет его от демократов, говоря о нём как о демократе «умеренного крыла»¹⁷.

Приведённая нами выше фраза звучит двусмысленно: её можно понять так, что если бы не задержка с определением позиции, то лидеры помещиков проявили бы инициативу в революционных событиях. Ошибочно и самое указание на то, что якобы лидеры помещиков опоздали с определением своей позиции. В тот же самый вечер (18 марта), когда Смолька, Земялковский и Хеферн разрабатывали свою программу-адрес, происходило ещё одно совещание относительно программы — у графа Фредро. Результатом переговоров между обеими группами явился известный львовский адрес от 19 марта, сохранивший отчётливые следы редактирования его лидерами помещиков. Именно так, в полном соответствии с действительным ходом событий пишет об этом сам проф. Кеневич в одной из своих статей¹⁸. Чем же объяснить эти неточности в докладе на съезде?

В целом, однако, несмотря на указанные неточности в формулировках, доклад представляет значительный интерес. Исследования проф. Кеневича являясь полезным дополнением литературы по истории революции 1848 года.

Революционным событиям 1848 г. в Силезии было посвящено на съезде два доклада — доц. Мариана Тыровича и доц. Казимира Попёлка. Оба доклада дают довольно отчётливое представление о развитии и характере революции 1848 г. в Силезии. Тырович подробно прослеживает распространение деятельности тайных познанских демократических обществ на Силезию в 1843—1848 гг., отмечает значение силезского восстания ткачей 1844 г. и краковского восстания 1846 г. в революционном пробуждении Верхней Силезии.

Серьёзной положительной чертой обоих докладов является стремление проанализировать события 1848 г. в Силезии не с точки зрения одной лишь национальной борьбы, а прежде всего вскрывая их классовый характер, социальные движущие силы. Благодаря этому докладчики смогли дать яркую картину размаха крестьянского движения в Силезии, первых выступлений верхнесилезского пролетариата. Тырович особо отмечает выдающееся значение статей Вильгельма Вольфа о «силезском миллиарде», которые печатались в «Новой Рейнской газете» и затем «в тысячах листовок распространялись в силезских деревнях» (т. I, стр. 292).

Полемика, завязавшаяся между докладчиками по некоторым конкретным вопросам, способствует созданию представления о степени исследованности этих вопросов, о задачах дальнейшего изучения истории революции 1848 г. в Силезии.

Полезным дополнением к докладам Тыро-

вича и Попёлка является доклад Янины Эндер в подсекции истории педагогики — «Вопросы народного просвещения в Силезии в 1848 г.».

Большой интерес представляет доклад проф. Генрика Батовского «Взаимоотношения поляков и других славянских народов в период революции 1848 г.». Докладчик отметил слабую разработку в польской литературе вопроса о взаимоотношениях поляков и других славянских народов в революции 1848 г. и кратко охарактеризовал имеющиеся по этому вопросу работы в историографии чешской, южнославянской и советской.

В анализе проблемы участия славянских народов в революции 1848 г. проф. Батовский решительно порывает с традицией буржуазной историографии, рассматривавшей эти движения как движения общенациональные под национальными лозунгами, и становится на путь классового анализа характера этих движений, их лозунгов, движущих сил. Говоря о революции в Чехии, докладчик подчеркнул, что в ходе её ясно определились два направления чешской буржуазии: либеральное во главе с Палацким, искавшее «компромисса с силами контрреволюции; и радикально-демократическое, призывавшее народные массы к революционному действию. Нельзя, однако, согласиться с его мнением, что создание радикально-демократического направления в Чехии «надлежит в значительной мере приписать польскому влиянию» (т. I, стр. 312). Правильно оценивает проф. Батовский причины и характер борьбы славян Венгрии против революционного венгерского правительства.

Намечая ряд проблем, требующих дальнейшей разработки, проф. Батовский указал на важность изучения социально-экономической истории эпохи, так как именно в этой области всего ошутимее чувствуются недостатки старых работ. Он особо отметил «острейшую потребность создания свободной от националистической предвзятости истории польско-украинских отношений в XIX в.» (т. I, стр. 307).

С докладом на ту же тему выступил Мариан Якубец. Основное внимание он обратил на необходимость разработки вопросов связи польских и русских демократических и революционных сил. Ценным является также предложение изучить отзвуки галицийских событий 1846 г. в других славянских странах, а также провести исследование откликов на революционные события 1848 г. в Польше в мемуарах, документах и современной прессе других славянских стран.

Как Батовский, так и Якубец подчёркивали необходимость при изучении истории революции 1848 г. в славянских странах координации и сотрудничества польских историков с историками других славянских стран, в первую очередь с советскими историками.

В выступлении Якубца вместе с тем почувствовалось нежелание рассматривать события 1848 г. в славянских странах с точки зрения классового анализа; в виде возра-

¹⁷ «Wiosna ludów na ziemiach polskich», стр. 281.

¹⁸ «Przegląd historyczny», стр. 77. 1948.

жения основному докладчику он говорил о едином контрреволюционном «славянском движении» (т. I, стр. 317), делая исключение лишь для польских и русских революционеров-демократов и не желая принимать в расчёт демократическое течение в Чехии, народное антифеодалное движение у южных славян.

Убогое впечатление оставляет реферат доц. Адама Левака «Польская эмиграция и революция 1848—49 гг.». Реферат начинается следующим определением движущих сил революции: «Революция опирается на наименее связанные с нормализованным трудом человеческие элементы, она является делом скорее мещан и рабочих, чем крестьян, чаще мужчин, чем женщин, скорее холостяков, чем отцов семейств, более пришлых лиц и эмигрантов, чем оседлого населения» (т. I, стр. 323). Такова, с позволения сказать, «методологическая» основа исследования. В идеалистическом духе характеризует Левак революцию 1848 г. в опубликованной в 1948 г. статье: «Причины революции 1848 г. были прежде всего причинами этического порядка»¹⁹. В контексте реферата приведённое нами в начале абзаца рассуждение потребовалось автору для того, чтобы объяснить активность участия польской эмиграции в революции 1848 года.

Не стоило бы подробно останавливаться на этом реферате, содержание которого недалеко ушло от его «теоретических» принципов, если бы не одно заслуживающее внимания обстоятельство. Характеризуя монархический лагерь эмиграции, автор заявляет, что этот лагерь «лишь после долгих колебаний склонился к решению крестьянского вопроса путём перевода крестьян с барщины на оброк по английскому образцу, либо путём освобождения их с вознаграждением помещиков, опасаясь, что более радикальная программа подорвёт сочувствие сторонников Чарторыйского в Польше к будущему восстановлению и побудит их воздерживаться от финансовой поддержки деятельности эмиграции» (т. I, стр. 330).

Таким образом, создаётся впечатление, что консервативно-помещичья польская эмиграция, которая была вынуждена под давлением обстоятельств, кривя душой, заявить о своём согласии на ограниченную крестьянскую реформу, была якобы готова и на более радикальную реформу, только опасалась-де недовольства помещиков в самой Польше. Если учесть ещё, что самое построение фразы оставляет неясным, колебались ли эмигранты-аристократы прежде, чем решиться вообще на крестьянскую реформу, или прежде, чем были принуждены сузить её в угоду своим собратьям в Польше, то бесспорным становится, что Левак пытается контрабандой протащить Чарторыйского с его сторонниками в лагерь прогрессивных деятелей.

Целина Бобинская прочитала доклад на тему «Польский вопрос в теории и практике основоположников научного социализма в XIX веке». В сжатой форме, но достаточно полно и чётко докладчик изложил су-

щество взглядов Маркса и Энгельса на международное значение польского вопроса, на перспективы прогрессивного развития Польши, обрисовал их широкую практическую политическую деятельность, направленную на последовательно революционное разрешение польского вопроса. Этот доклад, являющийся важной и неотъемлемой частью обсуждаемой проблемы революции 1848 г. в Польше, имеет вместе с тем и более общее принципиальное значение. Ц. Бобинская совершенно правильно не ограничила свой доклад задачей освещения вопросов, связанных с революцией 1848 г., а дала очерк, доходящий до последней четверти XIX в., показав, как в изменившихся исторических условиях менялось значение польского вопроса. Это особенно важно потому, что правые лидеры старой ППС положили немало труда для того, чтобы извратить взгляды Маркса и Энгельса по польскому вопросу, и даже пытались ссылками на авторитет основоположников марксизма обосновать свою антипролетарскую националистическую программу. Борьба с остатками влияния петербургской концепции истории польского народа, решительный отпор всяким попыткам подкрасить эту концепцию под марксистскую — долг польских историков-марксистов. Этой задаче отвечает доклад Ц. Бобинской, что ещё более увеличивает его ценность как одного из наиболее научно-актуальных и высоких по своему теоретическому уровню докладов VII съезда польских историков.

Доклады, посвящённые революции 1848 г., имеют отнюдь не ограниченное, юбилейное значение: они связаны с глубоким изучением этого важного этапа новой истории Польши, они отражают серьёзные сдвиги в польской историографии. Если для всей предшествующей польской историографии — шляхетской, буржуазной и «социалистической» — революция 1848 г. в Польше была лишь этапом национальной борьбы, если характерной чертой всей этой историографии было затухание классовой борьбы, объявление её второстепенным явлением по сравнению с борьбой национальной, то большинство докладов VII съезда польских историков свидетельствует о стремлении применить к истории революции 1848 г. принципы классового анализа, выявить место революционных событий в Польше в международном революционном движении той эпохи, пересмотреть на основании изучения этого узлового вопроса традиционное представление об основных проблемах новой истории Польши, вложить в них новое содержание. Далеко не всё ещё решается правильно, многие вопросы пока не пересмотрены заново, но основное направление определено, и оно даёт основания полагать, что польская историческая наука в лице её лучших, прогрессивных представителей выходит на правильный путь.

Единством темы связаны доклады проф. Генрика Верещицкого «Влияние внешней политики Австрии и Пруссии на польский вопрос в 1848—1914 гг.» и проф. Януша Па-

¹⁹ «Przegląd historyczny», str. 221. 1948.

евского «Главные элементы внешней политики Германии и Австро-Венгрии в отношениях к Польше в 1914—1918 гг.». Эта проблема имеет серьёзное научное и политическое значение.

Характерной чертой всего периода национально-освободительной борьбы польского народа в XIX в. (до восстания 1863 г. включительно) были надежды на помощь в деле восстановления независимого польского государства со стороны иностранных держав. Эти надежды были основой всей политики консервативных шляхетских кругов. Эти надежды нередко разделяли и польские демократы. Надежлись прежде всего на западные державы — Францию и Англию, — но не исключали даже и Австрию — участницу разделов Польши.

Вновь в иной исторической обстановке программу ориентации на внешние силы (на этот раз на поработивших польские земли Германию и Австро-Венгрию) выдвинул в годы кануна первой мировой войны весь лагерь так называемых «независимцев», в котором особенно активную роль играл Пилсудский.

Жизнь развевала как заблуждения старых польских повстанцев-демократов XIX в., так и реакционные расчёты «независимцев» и всех других националистических групп в XX веке. Ни англо-французские, ни австро-немецкие империалисты не собирались восстанавливать польское государство. Польша была всегда для них лишь объектом дипломатического шантажа или торга. Действительные предпосылки для освобождения Польши могла создать только подлинно народная революция в России или Германии. Только Великая Октябрьская социалистическая революция в России действительно создала первую и основную предпосылку восстановления независимой Польши.

Ещё буржуазная польская историография вынуждена была признать, что надежды на помощь Англии и Франции в XIX в., Германии и Австро-Венгрии в годы первой мировой войны были беспочвенны. Но от буржуазной историографии нечего было ждать признания значения революционного фактора для восстановления Польши: она попросту обходила этот вопрос молчанием. Естественно было бы ожидать, что на VII съезде польские историки в своих докладах, специально посвящённых австро-германской политике в отношении Польши, не ограничатся вопросами международных отношений и дипломатии, а вскроют существо реакционной политики сотрудничавших с Германией и Австро-Венгрией польских шляхетских, буржуазных и мелкобуржуазных партий. дадут этой политике должную оценку. К сожалению, оба докладчика по данной проблеме (и в этом основном недостаток их докладов) отстранились от этого вопроса, не делают тех выводов, которые вытекают из сделанного ими обзора политики Германии и Австро-Венгрии.

Доклад проф. Верещицкого вызывает, помимо этого, и другие замечания. Прежде всего странно звучит восхваление качеств всей той литературы о международном значении польского вопроса в XIX и начале

XX в., которая появилась в Польше в период между 1918 и 1939 годами. Докладчик считает, что она не заслуживает ни слова критики, он заявляет, что «задачей настоящего реферата не может быть выдвижение каких-либо новых принципов исследования, или сообщение новых взглядов, или попытка пересмотра существующих выводов» (т. I, стр. 122).

Вряд ли ссылка на широкий охват источников в старых работах может оправдать приведённое заявление. Ошибочность его очевидна. Польская буржуазная историография 1918—1939 гг. не только извлекала из архивов неизвестные до того времени источники — она создавала целую систему взглядов на рассматриваемый вопрос, взглядов ошибочных, во многих отношениях вредных, и восхваление её и следование за ней — большая ошибка проф. Верещицкого. Эти взгляды отразились и в его докладе.

Верещицкий признаёт, что влияние внешней политики Австрии и Германии на польский вопрос было отрицательным: оба государства старались не допустить возможности восстановления польского государства. К этому сводились их выступления в качестве инициаторов дипломатических переговоров по польскому вопросу. Различия в политике Германии и Австрии по польскому вопросу имели скорее тактический характер, ибо основная линия их была одинаково враждебной польскому народу.

Всё это правильно и не вызывает возражений. Возражения вызывают отклонения автора от этой концепции. Автор считает, что была возможна положительная постановка вопроса о восстановлении Польши по инициативе немецких государств. Следуя за Юзефом Фельдманом, автор рассматривает политику берлинского либерального правительства в марте — апреле 1848 г. как такую первую положительную постановку польского вопроса. Но на этом мы уже останавливались в связи с рассмотрением докладов о революции 1848 года.

Далее, автор считает возможным утверждать, что во время переговоров между австрийской и французской дипломатией в конце 60-х годов, — кстати сказать, переговоров, по признанию самого автора, неизученных, — австрийское правительство всерьёз намеревалось поднять по собственной инициативе вопрос о восстановлении Польши. Автор, наконец, считает возможным сказать, что в период первой мировой войны Германия реализовала положительную постановку вопроса о восстановлении Польши (т. I, стр. 125).

Указанные отклонения автора от истины объясняются тем, что он не связывает проблему восстановления Польши с революционным фактором. Не случайным является полное игнорирование автором высказываний Маркса и Энгельса о польском вопросе, в частности о политике правящих классов Германии в этом вопросе даже применительно к 1848 году.

Значительно более ценным следует признать доклад проф. Паевского. Докладчик правильно ищет побудительные мотивы гер-

манской политики в польском вопросе в военно-захватнических планах германского империализма. Он объясняет перемены политики германского правительства в отношении Польши изменениями военно-захватнических планов в связи с изменением общей политико-стратегической ситуации в ходе войны. Однако Паевский уклонился от оценки австро-германской политики в польском вопросе с точки зрения того нового, что принесла Октябрьская революция в России; благодаря этому разбойничий характер этой политики представлен недостаточно ярко и выпукло.

Выше мы уже отмечали недостаток этого доклада — отсутствие критики тех польских деятелей и партий, которые связывали освобождение Польши с победой Германии и Австро-Венгрии. Таким образом, и Паевский обходит или затушёвывает политически важные, а тем самым и научно-актуальные вопросы.

Среди докладов секции происхождения современного польского государства и общества особенное внимание привлекает проблематика трёх докладов: «Крестьянский вопрос в Польше в XIX и XX вв.» (Стефан Инглот и Станислав Шотка) и «Рабочий вопрос в Польше в XIX и XX вв.» (Жанна Корманова). От того, как поставлены эти проблемы, как они разрешаются, в значительной мере зависит оценка всей работы секции. К сожалению, руководство съезда недооценило важности этих докладов. Издание трудов съезда не включает докладов проф. Ст. Шотки и проф. Ж. Кормановой, что не даёт возможности составить полное представление о важнейших обсуждённых съездом проблемах.

Единственный из этих трёх докладов, с которым мы могли ознакомиться, доклад проф. Инглота, не только не восполняет отмеченного нами недостатка освещения на съезде основных проблем истории Польши в эпоху империализма, но ещё более его подчёркивает.

Мы предполагали, что формулировка темы доклада «Крестьянский вопрос» означает, что доклад будет посвящён основным проблемам истории польского крестьянства в XIX и XX веках. Однако проф. Инглот по-иному понимает свою задачу. Доклад открывается следующим определением: «Крестьянский вопрос в XIX и XX веках — это, иными словами, процесс вступления крестьян в польское общество как свободных и полноправных граждан или процесс превращения старого польского шляхетского общества в общество современное, в котором крестьяне занимают определённое место рядом с другими общественными классами. Это процесс долгий и сложный. Начавшись ещё в конце существования старой Речи Посполитой, он продолжается почти до последнего времени» (т. 1, стр. 415).

Уже самое это определение говорит о многом. Прежде всего обращает внимание то, что для докладчика феодальное обще-

ство — это общество шляхетское, что крестьяне рассматриваются им как члены общества лишь по мере завоевания ими политических прав. Таким образом, самое понятие общества в докладе проф. Инглота носит лишь формально-юридический характер, оно теряет своё социально-экономическое содержание; более того: в приведённой цитате явственно слышится отзвук шляхетской историографии, считавшей, как известно, «обществом» и «нацией» одну лишь шляхту.

Свою задачу проф. Инглот формулирует как изучение процесса превращения крестьян в свободных и полноправных граждан, рассматривая этот процесс как простую эволюцию, как процесс перестройки самой политической психологии крестьянства и т. д. Проблемы социально-экономические его не интересуют, он скользит по их поверхности. Достаточно сказать, что в докладе ни единым словом не упоминается классовая дифференциация в деревне в условиях капитализма. Крестьянство выступает в докладе как понятие, неизменное во все времена, как единая и монолитная в социальном отношении масса. Для докладчика и кулак и сельскохозяйственный рабочий — одинаковые крестьяне: у них общие интересы, они вместе (под единым ярлыком «крестьянин») противостоят другим классам общества. Даже будучи принуждённым констатировать наличие внутренней борьбы в крестьянских партиях в период 1918—1939 гг., Инглот ограничивается этой констатацией, не показывая причин этой борьбы. Радикализацию программы «Строничтва людового» Инглот объясняет влиянием сельской молодёжи. Так социальная проблема превращается по обветшалому рецепту буржуазных историков в проблему «отцов и детей». Не удивительно, что в докладе совершенно обойдён вопрос о связи движения крестьянской бедноты с рабочим классом, но зато с удовлетворением отмечается стремление крестьянства в «санацционной» Польше к консолидации в общей словно-классовой организации (т. 1, стр. 431).

Для того чтобы яснее представить себе тенденции этого доклада, обратим внимание на его тематические и хронологические рамки. Инглот заявляет, что рассматривает процесс превращения крестьян в свободных и полноправных граждан. Спрашивается: когда же крестьяне в Польше стали действительно свободными, полноправными гражданами? Для нас ясно, что полноправными крестьяне (имея в виду трудовое крестьянство, а не кулаков) стали лишь в народно-демократической Польше. На первый взгляд кажется, что так же думает и проф. Инглот. Ведь он говорит, что этот процесс «продолжается почти до последнего времени». Однако это «почти» употреблено здесь не случайно. На поверку оказывается, что настоящее время в приведённой выше фразе — это *praesens historicum*, манера говорить о прошлом в настоящем времени. Доклад доводится до последних предвоенных лет, когда «произошёл как бы исторический перелом в

жизни деревни, а именно её полное пробуждение» (т. I, стр. 431). Именно на этом моменте докладчик и считает уместным поставить точку. Без прямых утверждений, самым своим построением доклад толкает читателя к заключению, что в буржуазной Польше 1918—1939 гг. был завершён процесс превращения крестьян в свободных и полноправных граждан.

С особым уважением говорит докладчик о руководителях «людового» движения ксёндзе Стояловском, Стапинском и Винценте Витосе. Превознесение Витоса (историческую роль которого, как утверждает автор, в крестьянском движении никто не ставит под вопрос,— т. I, стр. 427), главы кулацкой партии «Пяст», учителя и предшественника Миколайчика, говорит само за себя.

Доклад одного из крупнейших польских прогрессивных историков-экономистов, много сделавшей для изучения истории польского рабочего класса, проф. Натальи Гонсёровской, «Горнорабочие в Королевстве Польском перед крестьянской реформой» посвящён мало изученному периоду истории польского рабочего класса. В отличие от большинства докладов съезда, носящих характер тезисов, предварительных замечаний к исследованию, раскрытия проблематики, этот доклад представляет собой законченное исследование; Н. Гонсёровская избрала сравнительно узкий вопрос, но зато изложила его довольно обстоятельно и всесторонне. Доклад проф. Гонсёровской — серьёзный вклад в историографию польского рабочего класса.

★

Съезд польских историков затронул и вопрос о начале социалистического движения в Польше в докладах Януша Дурко о Царстве Польском и Зигмунта Гросса о Галиции. Издание «Трудов» включает, однако, только первый доклад.

На основании опубликованных работ, в значительной мере на основании русской книги И. Волковичера («Начало социалистического рабочего движения в бывшей русской Польше», М.-Л. 1925), Януш Дурко даёт краткий обзор возникновения и развития социалистического движения в Царстве Польском в 1874—1879 годах.

Докладчик правильно отмечает, что на рождение польского социализма оказало огромное влияние развитие революционного и социалистического движения в России и в Западной Европе. Первый польский социалистический кружок возник не в Царстве Польском, а в Петербурге, на рубеже 1874—1875 гг.; польские социалистические кружки возникли в это время и в других университетских городах России, где училось много польской молодёжи. Польское студенчество испытало большое влияние русского революционного движения, в то время народнического, и само ступало на путь социализма и революционной борьбы. Возвращаясь на родину, польское студенчество старалось организовать социалистическое движение в Варша-

ве и других польских городах. Характерно, что студенты Варшавского университета сопротивлялись распространению социализма в Польше. Однако новое движение преодолело помехи и развивалось.

Хотя на первые шаги польского социалистического движения оказывало влияние русское народничество, польский социализм с самого начала был связан с рабочим классом; если в России имело место «хождение в народ», то в Царстве Польском — «хождение в рабочий класс». Это было следствием не только более сильного развития капитализма в Царстве Польском, на фоне которого ярко выявлялся утопизм народнического «крестьянского социализма», но и знакомства с идеями научного социализма.

В начале 1878 г. в польском социалистическом движении на первый план выдвигается фигура замечательного революционера Людовика Варынского. В том же году создаётся первая программа польских социалистов, в которой уже заметно сильное влияние марксизма. Социализм проникал в Польшу не только из России, но и с Запада, откуда в Царство Польское пришло много рабочих, особенно немецких.

Первые польские социалисты были интернационалистами. Они считали, что только социализм разрешит все противоречия и все несправедливости капиталистического строя, переход же от капитализма к социализму возможен лишь в форме единого мощного переворота социальной революции.

Мы видим здесь идеи, в основе своей совпадающие с идеями первой польской рабочей партии «Пролетариат», возникшей в 1882 г., и с идеями социал-демократии Царства Польского и Литвы, возникшей в 90-х годах. Обе эти партии были, как известно, подлинно пролетарскими, классовыми, революционными, интернационалистскими. Начало польского социализма было интернационалистским.

★

Важным и интересным является доклад проф. Казимира Пиварского «Происхождение «Мюнхена», единственный доклад по вопросам международных отношений новейшего времени (доклад Антония Вильдера «Дипломатическая борьба по вопросу о западной границе Польши» не опубликован). Докладчик оговорил, что он затрагивает лишь последние этапы подготовки «Мюнхена», именно те несколько месяцев 1938 г., которые отделяли захват гитлеровской Германией Австрии от нападения на Чехословакию.

Проф. Пиварский отмечает, что когда нависла опасность над Чехословакией, западные державы стали перед альтернативой: или сотрудничество с СССР для защиты «неделимого мира», т. е. организации коллективной безопасности и решительного противодействия новой агрессии, или дальнейшее применение политики «невмешательства» и уступок агрессорам в надежде, что удастся пока дойти с ними до соглашения по вопросу о сферах влияния,

а затем направить их экспансию против социалистического государства — СССР, уничтожение которого было главной целью правящих крушкокапиталистических кругов западных государств (т. I, стр. 448—449). Западные государства выбрали второй путь. Докладчик ярко и убедительно вскрывает то гнуснейшее лицемерие и цинизм, с которыми Англия и Франция предавали Чехословакию, а вместе с тем и дело коллективной безопасности пародов, дело мира. Он показывает неустанные усилия английских и французских правящих кругов добиться соглашения с гитлеровской Германией, чтобы отвести угрозу войны на Западе и создать эту угрозу на Востоке, прежде всего против СССР.

Нельзя не отметить, что подобная трактовка «Мюнхена» является шагом вперёд в польской исторической науке. Она свидетельствует о том, что Пиварский видит своё место в лагере подлинной демократии, с позиции которой только и возможно правильное освещение исторических событий.

В то же время нельзя не отметить и некоторые недочёты доклада Пиварского. Так, при общей, как было указано, правильной оценке «Мюнхена» проф. Пиварский два — три раза характеризует «Мюнхен» как «капитуляцию» западных государств перед гитлеровской Германией. Между тем автор сам отмечает, что перед ними был и иной путь, на который они не пожелали встать. Следовательно, речь шла не о «капитуляции», а о сговоре этих государств с гитлеровской Германией.

Далее проф. Пиварский почти совершенно не касается роли польского пилсудчиковского правительства в подготовке «Мюнхена», ограничиваясь парой мимолётных замечаний о том, что Польша была настроена решительно враждебно в отношении Чехословакии и находилась в системе немецкой политики. Именно от польских историков мы вправе ждать более подробного освещения роли Польши в период «Мюнхена». Поддержка Польшей гитлеровской Германии сыграла немалую роль в усилении захватнических позиций последней. Необходимо, кроме того, показать и ту внутривнутриполитическую борьбу, которая имела место в Польше в «мюнхенский» период, ибо говорить о позиции «Польши» в целом, разумеется, невозможно.

Автор недостаточно показал роль Советского Союза в борьбе против «Мюнхена». Наконец, совершенно неверны реплики докладчика о Поль-Бонкуре и Рейно как о решительных противниках «мюнхенской» политики (т. I, стр. 452, 454). Аналогичная ошибка одно время допускалась и в отношении Черчилля, которого представляли также «противником» «Мюнхена». Жизнь давно уже разоблачила подлинную роль и Черчилля, и Бонкура, и Рейно.

Период второй мировой войны, как и её кануна, чрезвычайно богат историческими и политическими уроками для всех стран и народов, в первую очередь для тех стран, которые принимали ближайшее участие в

главных событиях того времени. К числу таких стран принадлежит и Польша.

Польские историки уделяют известное внимание этому периоду и выпустили уже немало ценных книг, посвящённых ему. Всё же необходимо отметить, что польские историки до сих пор слишком мало занимались изучением политической истории этого периода, слишком мало изучали и освещали уроки недавно пережитых событий. Польские историки словно боятся затронуть наиболее слабые и уязвимые места недавнего прошлого, предпочитая оставаться в сфере более «спокойных» исследований: экономических, правовых и т. п. Между тем жизнь требует изучения и освещения подлинной истории новейшего времени во всей её полноте, требует прямых выводов из уроков этой истории, разоблачения и осуждения виновников небывалых бедствий польского народа, ревизии и критики того, что написано об этом старыми польскими историками.

Избежал «острых» тем и VII съезд польских историков. Из нескольких докладов, посвящённых новейшему периоду, ни один не касается внутривнутриполитической истории Польши последних двух — трёх десятилетий.

Положению Польши в период гитлеровской оккупации посвящены два доклада — Януша Дересевича «Хозяйственная перестройка присоединённых к Третьей империи земель в 1939—1945 гг.» и Владислава Русинского «Положение поляков-рабочих на присоединённых к Германии землях во время войны». Эти доклады дают интересные общие сведения о положении поляков во время гитлеровской оккупации и о характере гитлеровского режима в Польше. Они показывают, как гитлеровцы с первых же дней оккупации приступили к беспощадному ограблению польского населения и переводу его на принудительный труд. Русинский прямо квалифицирует положение поляков в это время как «государственное рабство» и сравнивает его с положением илотов в античной Спарте. «Цель всей немецкой политики в польском вопросе совершенно ясна, — говорит один из гитлеровских сатрапов в Польше. — Поляка, как рабочую силу, следует эксплуатировать столь долго, сколь он может выдержать, а затем предоставить его самому себе» (т. I, стр. 497). Доклады Дересевича и Русинского являются ярким подтверждением того, что гитлеровский режим означал для польского народа полное уничтожение и гибель.

К сожалению, в «Трудах» съезда не опубликован интересный по тематике доклад Станислава Плоского «Проблема изучения польской истории в период оккупации и подпольной борьбы (1939—1945)».

Подводя итоги рассмотрению «Трудов» VII съезда польских историков, мы должны отметить, что этот съезд представляет собой важную веху в развитии польской исторической науки.

Своими докладами на съезде большинство польских историков заявило о своём стремлении идти вместе со своим народом, помогать ему своим трудом в деле строительства социализма. Это факт большого значения. Это также — большое и серьёзное обязательство. Для того чтобы выполнить его, чтобы оправдать доверие народа, надо ещё многое сделать. Надо продолжить дело идейного перевооружения польских историков, начатое на съезде организацией группы историков-марксистов, добиться того, чтобы все прогрессивные историки, стремящиеся трудиться на благо своего народа, преодолели традиции старой, буржуазной историографии, вышли на путь единственно научной и единственно прогрессивной, марксистско-ленинской ме-

тодологии. Для этого необходимо смело и настойчиво ставить в центр внимания основные вопросы методологии истории, необходимо последовательно разоблачать легенды, созданные буржуазной историографией, не обходя и не затушевывая наиболее актуальных проблем истории недавнего прошлого польского народа.

Вроцлавский съезд историков продемонстрировал первые достижения новой польской прогрессивной исторической науки. Вместе с тем этот съезд показал, что в польской историографии сильны ещё позиции буржуазной идеологии. Советские историки желают польским историкам дальнейших успехов в борьбе с этой идеологией, за торжество принципов исторического материализма.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ